

Философа — создателя славянской грамоты, которой пользовались и на Руси, ибо «первая редакция» включала «Сказание о преложении книг». Во «второй редакции» (1113 г.) Нестор распространил влияние деятельности Константина на все славянство, так как Константин выработал литературный язык для всего славянского мира. Поэтому, по мнению В. М. Истрина, Нестор прибавил вводные статьи, но и для него в данном случае было главным культурное единство.

На работы Н. К. Никольского и Г. А. Ильинского опирался Р. О. Якобсон.⁸ Совпадения между Кристианом и ПВЛ он объясняет их общим источником, который, по его мнению, был написан одним из учеников Мефодия в конце IX в., когда в 898—900 гг. Моймир II пытался обновить автономную церковную организацию, образования которой в свое время добился Мефодий. Следы этого старославянского памятника Р. О. Якобсон находит не только в ПВЛ и у Кристиана, но и в Хронике Козьмы, в том месте, где последний упоминает об одном из своих источников — «Privilegium moraviensis ecclesiae». Р. О. Якобсон предполагает, что «Privilegium» был переводом на латынь старославянского оригинала, и говорит также и о другом источнике Козьмы, который привлек к проблеме ПВЛ и Кристиана Г. А. Ильинский, — о «Epilogus Moraviae et Bohemiae». По Якобсону, «Epilogus» являлся переводом старославянского сочинения, написанного примерно в начале X в. в пржемысловской Чехии. Схема взаимоотношений памятников выглядит в статье Р. О. Якобсона следующим образом: моравское сочинение эпохи Моймира II было непосредственно воспринято ПВЛ в виде «Сказания о преложении книг» (разумеется, с дополнениями русского редактора), в то время как в легенду Кристиана оно попало через посредство латинского перевода, который знал Козьма и который он упомянул под названием «Privilegium moraviensis ecclesiae».

Вопрос связи «Сказания о преложении книг» с западнославянским (моравским или чешским) источником обсуждался в некоторых работах, написанных к IV конгрессу славистов в Москве. Вся специальная литература приведена у А. В. Флоровского.⁹ Самого А. В. Флоровского интересует преимущественно памфлет, направленный против Войтеха¹⁰ и читающийся в Хронографической толковой Палее. А. А. Шахматов считал этот памфлет извлечением из третьей части предполагаемого источника «Сказания о преложении книг».

Скептицизм по отношению к гипотезе Н. К. Никольского о глубоком влиянии западнославянского памятника на ПВЛ проявился в докладе Н. К. Гудзия.¹¹ В замечаниях Вашицы и Коутной есть лишь беглые упоминания о комплексе этих сложных проблем.¹² Прохазкова вообще не затронула сути дела ни в «Сборнике ответов на вопросы по литературоведению»,¹³ ни в своей книжке «По следам давней дружбы».¹⁴ Она доказывает то, в чем никто никогда не сомневался, а именно сходство между «Сказанием о преложении книг» и житиями Константина и Мефодия.

⁸ R. Jakobson. Minor native sources for the early history of the slavic church. — Harvard Slavic Studies, vol. II. Cambridge, Mass., 1954, стр. 39—73.

⁹ А. В. Флоровский. Чешские струи в истории русского литературного развития. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. III. М., 1958, стр. 215—216.

¹⁰ Там же, стр. 226—228.

¹¹ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. М., 1958, стр. 5—12, 19—20.

¹² Сборник ответов на вопросы по литературоведению (IV Международный съезд славистов). М., 1958, стр. 9, 11.

¹³ Там же, стр. 15.

¹⁴ H. Procházková. Po stopách dávného přátelství. Praha, 1959, стр. 8—11.